

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «СТАЛКЕР»**

Аркадий и Борис Стругацкие. ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО
Дмитрий Силлов. ЗАКОН «ДЕГТЯРЕВА»
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРИЗРАКА

НОВАЯ ЗОНА

Сергей Недоруб. ЛИЧНОСТЬ КЛИЕНТА
Сергей Клочков. ВРЕМЯ ТУМАНОВ
Евгений Прошкин, Олег Овчинников. КОНТУР БОЛИ
Сергей Слюсаренко. КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ
Роман Куликов. ЦЕПЬ СУДЬБЫ
Дмитрий Володихин. ТИХОЕ ВТОРЖЕНИЕ
Сергей Недоруб. ШЕСТАЯ СТУПЕНЬ
Сергей Слюсаренко. КРОМЕШНЫЙ СВЕТ
Сергей Клочков. В РАЙ БЕЗ ОЧЕРЕДИ
Юрий и Татьяна Бурносовы. ТОННЕЛЬНАЯ КРЫСА
Григорий Елисеев. ИГРА ВСЛЕПУЮ
Сергей Недоруб. ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ
Роман Куликов. ПРОЕКТ «МИНОТАВР»
Игорь Недозор. ПЕРВОПРОХОДЦЫ АДА
Светлана Кузнецова. ХОЗЯЕВА МОСКВЫ
Сергей Недоруб. ДРУЗЬЯ ДРУЗЕЙ
Игорь Недозор. ТРОПА МЕРТВЫХ
Григорий Елисеев. ВОДЫ РУБИКОНА
Виктор Точинов. ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА

РАДИАНТ ПИЛЬМАНА/ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ

Андрей Альтанов. ИГРЫ С ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЯ
Илья Тё. ТОПОТ БЕССМЕРТНЫХ
Сергей Вольнов, Владимир Колчин. В СПЯЩЕМ РЕЖИМЕ
Андрей Альтанов. ТРОПАМИ ТЕНЕЙ
Сергей Вольнов, Владимир Колчин. ПЛАТА ЗА ВЫХОД
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ИСПЫТАНИЕ СИЛОЙ
Игорь Минаков, Максим Хорсун. БРОДЯГА ДИК
Александр Тюрин. ЛУЧ ИЗ ТЬМЫ
Александр Щёголев. ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ЗАЛОЖНИКИ НЕБЕС
Сергей Вольнов. ДОЛЖНИК

ЗОНА БУДУЩЕГО

Сергей Вольнов. ПРЫЖОК В СЕКУНДУ

СТРАЖЕР

Виктор Точинов

[НОВАЯ ЗОНА]

ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т64

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Точин, Виктор Павлович.

Т64 Новая Зона. Все сокровища мира : [фантастический роман] / Виктор Точин. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-17-093423-2

Зона посещения накрыла Северную столицу. Внутри, за надежно охраняемым Периметром, людей не осталось — те, кто выжили, превратились в хищных мутантов.

Зато остались всемирно известные музеи, и банковские хранилища, и жилища очень богатых людей... Сталкеры новой формации больше не считают достойной добычей традиционный хабар, ведь теперь ценой запредельного риска они могут получить **ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА**.

Сталкера по прозвищу Лорд мало интересуют сокровища, он охотится за мифическим Триггером, не догадываясь, что поисками легендарного артефакта занялись готовые на все конкуренты и началась охота за охотником...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093423-2

© Точин В. П., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

В каморке Папы Карло, у камина

1

Мое запястье стягивал прочный браслет, а к нему крепилась цепочка, на вид тоненькая, почти декоративная, — но не порвать и вдесятером, а если же подступиться к ней с ножовкой по металлу, то лучше не мучиться и пилить сразу руку, пока зубья пилы не иступились о карбидвольфрамовый сплав.

Другой конец цепочки крепился к предмету, внешне напоминавшему чемодан. В действительности то был переносной сейф, а в сейфе лежало сокровище.

Люди в наше время начали забывать, как выглядят сокровища, — настоящие, реальные, осязаемые и зримые. Люди принимают за сокровища всевозможную ерунду. Например, последовательность электронных импульсов — заходят в интернет-кабинет банка, видят, что получили перевод с большим числом нулей, и считают, что обрели сокровище. Глупцы...

Сокровище в сейфе, прикованном к моему запястью, лежало настоящее. Его посчитал бы таковым даже одноногий пират Джон Сильвер, знавший в сокровищах толк. И все его многочисленные собратья, бороздившие моря под черным флагом в погоне за сокровищами, — тоже посчитали бы.

— Лорд, подойди-ка... — Голос Шмайзера оборвал мои размышления о сокровищах и охотниках за ними.

Я выбрался из мягкого, на диво комфортного кресла, стоявшего у мраморного камина, напротив визора. Камин по причине майских теплых дней не топился, но мне доводилось бывать в гостиной Папы Карло и в холода, однако

и тогда камин оставался никак не используемой деталью интерьера.

Подошел. Вместе с сокровищем, разумеется, я был прикован к нему, как каторжник давних времен к ядру.

Шмайсер сидел у круглого сервировочного столика, и перед ним лежала вскрытая коробка. Размерами она значительно, в разы, уступала сейфу, отягощавшему меня. И тем не менее содержимому сейфа предстояло вскоре стать платой за содержимое коробки, причем последним траншем, аванс был уже внесен.

Одноногий Джон Сильвер, без сомнения, счел бы такой обмен безумной расточительностью: то, что лежало в ячейках пенопластовой упаковки, сокровище напоминало мало.

В самой большой ячейке лежал неведомый прибор, напоминавший... хм... прибор неизвестного назначения, замаскированный создателями под полупрофессиональную видеокамеру. Но либо создатели подошли к делу маскировки небрежно, спустя рукава, либо вообще не имели желания наводить тень на плетень, и все получилось случайно, — но их детище принять за камеру можно было лишь издалека или в густых сумерках.

В ячейках поменьше лежали комплектующие, запчасти и аксессуары — в общем, все как полагается. В одну из малых ячеек тыкался сейчас палец Шмайсера. Владелец пальца поинтересовался у меня:

— Чего-то хиловата зарядка, а? Маленькая какая-то... Полгода заряжать будет... Как считаешь, Лорд?

Папа Карло никак в нашей беседе не участвовал. Более того, навязчиво демонстрировал свое полнейшее равнодушие к зарядному устройству и прочей ерунде: отошел в сторонку и делал вид, что любит висевшей на стене картиной. Мое дело, дескать, маленькое: доставить заказанный товар от продавца к покупателю, а оплату — в обратном направлении, и получить за то свой оговоренный процент.

Я имел представление о характеристиках и сетевой зарядки, и ручной динамо-машинки, встроенной в рукоять, и знал обещанное производителем время полного заряда аккумуляторов с помощью каждого из этих устройств.

Но выдавать познания не время и не место. Вся мизансцена была придумана лишь для того, чтобы я замотивированно мог ознакомиться с покупкой.

— Поди пойми... — сказал я задумчиво. — Бывают и маленькие, но мощные. Куда она тут втыкается?

Ответ на этот вопрос я тоже знал. Знал и Шмайсер — от меня. Но, похоже, позабыл... Он вообще был туповат, а туповатые сталкеры долго не живут. Шмайсер, однако же, и жил, и здравствовал — в виде компенсации за тупость судьба наградила его редкостной удачливостью.

— Куда включается, куда включается... — бормотал он задумчиво.

Шмайсер подковырнул пальцем прибор и вытащил его из гнезда, вертел в руках, разглядывая. Теперь хорошо было видно, что пенопластовая упаковка кустарная: гнездо не отштамповано, а вырезано — хоть и очень аккуратно, но вручную, ножом. Ничего удивительного: прибор не просто малосерийный, а единственный и неповторимый, созданный по спецзаказу.

— Вона куда! — обрадовался Шмайсер, отыскав наконец разъем.

— Похоже на то, — согласился я. — Тогда вон то окошечко — индикатор заряда. Включи и посмотри, как быстро начнет заряжаться.

Ничего иного мы здесь проверить не могли... Ну, разве что отсутствие внешних повреждений. Проверять прибор надлежало в Зоне.

— Папа, а есть у тебя тут розетки? — спросил Шмайсер, поведив взглядом по сторонам. — Ни одной чего-то не вижу...

Папа Карло оторвался от своей картины, сделал несколько шагов, надавил на точку стенной панели, ничем от прочих не отличавшуюся. Откинулся длинный и узкий лючок, за ним оказались выстроившиеся в ряд электророзетки. Мелочь, но продуманная — в интерьере, безупречно выдержанный в стиле ампир, розетки никоим разом не вписывались.

— Крайняя левая на сто десять вольт, — сообщил Папа Карло. — Крайняя правая — наш старый ГОСТ, остальные евростандарт. Пробки мне тут не спалите, алхимики...

Папа Карло шутил, разумеется. Дом его — хоть гостиная и казалась целиком переташенной из начала девятнадцатого века — был оборудован по самым современным стандартам, и УЗО не имело ничего общего с архаичными пробками.

— Ничего, «жучка» вставим, я умею, — откликнулся Шмайсер, шутку не понявший.

И немедленно попытался запихнуть вилку зарядного устройства в старую гостовскую розетку. Причем едва ведь не запихнул, силушкой — в отличие от чувства юмора — природа Шмайсера не обидела.

Он вообще никоим образом не соответствовал классическому типу сталкера, культивируемому масс-культурой: был ничуть не похож на узкоплечего хлюпика с лицом спившегося интеллигента, не раскатывал по Зоне на дрезине, бубня под нос стихи Арсения Тарковского, и не плодил детей-мутантов непонятной наружности.

А был Шмайсер статным, кровь с молоком, молодцом, стихов не знал в принципе, а уж какие дети выросли из его сперматозоидов, я понятия не имел, да и сам Шмайсер, наверное, тоже.

Папа Карло успел спасти розетку от бесславного разрушения моим коллегой, и я смог оценить быстроту, с какой менялись цифры в индикаторном окошечке. Шмайсер тоже взглянул, но без интереса, исключительно отработывая роль.

— Ну как, фурычет? — равнодушно поинтересовался Папа Карло.

Нетерпения в его голосе не ощущалось. Процент от суммы сделки Папе полагался весьма жирный и позволял снисходительно относиться к любым прихотям клиентов.

— Ну-у... — задумчиво протянул Шмайсер и посмотрел на меня. — Поглядеть еще маленько надо...

Цифры в окошечке менялись быстро, производители не подвели. Но я пока не подал Шмайсеру незаметный условный знак: хотел, чтобы аккумулятор получил хотя бы минимальный заряд.

— Гляди, гляди... — не стал возражать Папа Карло и вновь отправился любоваться картиной, на сей раз другой.

Картины, кстати, у него висели примечательные. На каждую имелся сертификат — с фотографией полотна, с печатью, с подписью эксперта Минкультуры, все честь по чести. Документы заверяли: картины лишь копии, сделанные неизвестными живописцами девятнадцатого и двадцатого века, и музейной ценности не имеют... На деле все полотна были подлинниками, вынесенными из Зоны.

Я знал о том не понаслышке — сам доставил Папе два экспоната в коллекцию.

2

Наконец прибор был признан годным и вновь аккуратно запакован. Пришло время рассчитывать, и я избавился от обузы: и от сейфа, и от цепочки, и от браслета.

Уф-ф-ф... Как мало надо человеку, чтоб почувствовать себя легко, свободно и окрыленно. Достаточно поработать пару-тройку часов носильщиком тяжеленного сундука с сокровищами, а потом от него избавиться.

Над сейфом теперь колдовал Шмайсер, всю последовательность действий он успел заучить назубок и довел до автоматизма неоднократными тренировками.

А я вернулся в кресло и вновь уставился на экран визора, работавшего с приглушенным звуком.

Передавали международные новости, вновь про войну. Вторжение Конфедерации на Свободную территорию амишей продолжалось, и даже сводки до сих пор шли победные, но изменился масштаб побед: полностью зачищен поселок такой-то, восстановлен контроль над такой-то трассой... Похоже, рассекающий удар с выходом на канадскую границу провалился, и скоро у механизированных дивизий конфедератов начнутся проблемы с боеприпасами и горючим, а проблемы с диверсиями на растянутых коммуникациях уже начались...

Пока я смотрел на разрушенные дома и сожженные «Абрамсы», Шмайсер справился с хитрым кодовым замком и поднял крышку.

Но сделал полдела, причем его самую простую и легкую часть. Потому что под первой крышкой оказалась вторая, и запор там стоял другой, с множеством ступеней защиты.

Код теперь надо было вводить не нажатием кнопок на сейфе, но дистанционно, с помощью сигнала, идущего с пульта управления.

Сигнал каждый раз генерировался новый, во избежание попыток записать его и воспроизвести. И был завязан на дату, время, биометрию владельца и кучу других вещей... И попробуй ошибись хоть в самой малости — тут же активизируется система уничтожения, и на исправление случайной ошибки останется ровно двадцать секунд.

О таких мелочах, как сканирование сетчатки глаза, упоминать не будем — увы, контактные линзы с фальшивым рисунком сетчатки сделали эту предосторожность неэффективной... Но по заведенному обычаю на сейфе имелась и она, и мой коллега исправно заглянул в объектив.

Тренировки не пропали даром, Шмайсер ни в чем не ошибся. С тихим мелодичным звуком внутренняя крышка приподнялась сама, словно услышав «Сезам, откройся!».

Папа Карло получил возможность увидеть сокровище. А я остался в кресле, и без того зная, что внутри.

Там лежали пачки банкнот: валюты разные, самые ходовые, номиналы крупные. Лежали монеты и небольшие банковские слитки, золотые и платиновые, и даже два десятка палладиевых. Серебра не было, ни в монетах, ни в слитках.

Папа Карло ни удивления, ни восхищения не выказал, вообще никаких эмоций не проявил. Возможно, он не лукавил: я предполагал, что Папе доводилось выступать посредником в сделках и большего размаха.

В насковозь криминальном бизнесе, возникшем и развившемся вокруг Зоны, абсолютно честных людей найти трудно: одни врут меньше, другие больше, кто-то обманет за полушку мать родную, а кто-то испортит себе карму лишь за сумму с многими нулями...

Папа Карло был исключением, уникалом и белой вороной в нашей серо-черной вороньей стае. Он с самого нача-

ла сделал ставку на абсолютную и кристальную честность, она была его главным капиталом. Честность — а не счета в банках, и не заначки валюты и золотишка, и не запасы на тайных складах продаваемой сталкерской снаряды и скупаемого сталкерского хабара, и даже не коллекция картин, за каждую из которых любой музей мог бы выложить — если бы, конечно, имел — много-много миллионов.

Свою репутацию Папа Карло зарабатывал не один год, а заработав — берег пуще глаза. У него могли встретиться для переговоров люди, на дух друг друга не выносившие, — встретиться с уверенностью, что Папа никому не позволит притащить на стрелку оружие и что разговор никто не подслушает и не запишет. Ему доверяли посредничать в самых деликатных сделках, где продавец не верил покупателю, а покупатель — продавцу. Ему оставляли на хранение ценности, за которые и святой бы оскоромился, но Папа не скоромился. Его служба доставки по России и за рубеж действовала, как швейцарский хронометр, — не случалось ни задержек, ни пропаж. Ну и конфиденциальность девятьсот девяносто девятой пробы...

Если бы на Папу Карло кто-то сдуру или из жадности решил наехать, против дурака или жадины единым фронтом выступило бы все кормящееся с Зоны сообщество, забыв все внутренние ссоры и дразги, — и одним дураком или жадной на свете стало бы меньше.

Таким вот человеком был Папа Карло... Иногда я задумывался — и сейчас тоже задумался, — а есть ли у честности Папы Карло свой лимит, пусть и запредельно высокий? Существует ли хотя бы в теории сумма, из-за которой он сможет оступиться?

Ответа у меня не имелось.

Папа Карло, не подозревая о моих лестных для него мыслях, начал работать: пересчитал купюры, дважды прогнав каждую пачку через счетчик-детектор.

Аккуратно записал результаты в тетраточку, причем не абы какую, а от Картье — обложка тисненой кожи с уголками из белого золота, монограмма, выложенная мелкими бриллиантиками, а бумага такого качества, что хочется

ею любоваться, а не пачкать карандашом или чернилами... Папа Карло пользовался для записей исключительно такими тетрадами, а электронные блокноты и прочие гаджеты презирал.

Возня с драгметаллами заняла гораздо больше времени. Каждую монету и каждый слиток Папа Карло отдельно взвешивал, затем брал пробу тестером, затем упаковывал в отдельный прозрачный пакетик, а результат, опять же отдельно, вносил в тетрадку. Если на слитке или монете имелся какой-то дефект — вмятинка, или царапина, или что-то в том же роде, — это тоже вносилось в тетрадку и параллельно, вместе с весом и пробой, — на ярлычок, прилепляемый к пакету.

Ладно хоть тестер был у Папы дисперсно-волновой, и не приходилось дожидаться, пока на металл подействует химический реактив. И все равно процедура безбожно затянулась. Шмайсер, по сценарию обязанный наблюдать за ней неотрывно, скучал и с трудом сдерживал зевету.

Да и я заскучал, хоть и развлекал себя на другом конце гостиной просмотром визора (плоский его экран был упакован в тяжеленную позолоченную ампирную раму). Международной новостной блок продолжался, перекинувшись на события в Европе, — там жители департамента Рона протестовали против пакета законов, недавно принятого французским меджлисом.

Протестовали по обыкновению бурно — в центре Лиона росли баррикады из опрокинутых машин, дымно горели крыши, а в окна зданий летели бутылки с зажигательной смесью. Аналитики, комментируя происходившее, тревожились и предрекали, что протест перекинется на Париж и другие крупные города, и заклинали правительство силу не применять, но искать пути к диалогу, и договариваться, и достигать компромисса, и жить всем дружно и толерантно, не поджигая машины и здания...

Скукотища. Приевшееся бла-бла-бла. Я щелкнул пальцами, пытаюсь переключить канал, не получилось, щелкнул еще, опять безрезультатно... Похоже, Папа очень точно настроил датчики под себя, пришлось отрываться зад от кресла и переключать вручную...

Врубил я региональный канал, надеясь угодить на новости или хронику происшествий. Однако там шел круглый стол, посвященный строительству Нового Петербурга. Очередной треп на тему, бессмысленный и пустопорожний...

Участвовали трое: депутат областного ЗакСа, подвизавшийся там председателем Комитета по капитальному строительству, ученый-культуролог и писатель-краевед, а модерировала их беседу необъятных размеров женщина, с трудом умещавшаяся в кадре.

На такие шоу я поглядывал всегда с интересом, после того как один из балаболов отлил бессмертное: надо, дескать, приставить сталкерское сообщество к полезному и нужному делу — пускай выносят по кускам из Зоны исторические памятники с целью будущего монтажа их, памятников, в возрожденном Новом Петербурге... Не за спасибо пусть выносят, разумеется, но за достойную оплату — за оклад грамотного специалиста плюс премиальные за спасенные фрагменты памятников. Пятиминутку здорового смеха тот чудак мне обеспечил...

Однако нынешняя тройца была уныла: пережевывала давно и не раз звучавший бред.

Писатель вещал о том, что появление Нового Петербурга логично и неизбежно, что сама география городских окрестностей к тому располагает: города-спутники Пушкин, Петродворец, Гатчина, Ораниенбаум, Сестрорецк и прочие при вложении достаточных средств обретут новую жизнь, и разрастутся, и в процессе разрастания вполне смогут соединиться в новый большой город, кольцом объявляющий Зону.

Культуролог немедленно подхватил: и в новый город, конечно же, вернутся все эвакуированные питерцы, рассеянные по городам и весям России, — а спаслись и эвакуировались при Прорыве не меньше трети жителей (цифру культуролог слегка преувеличил, вернее было бы говорить о четверти). И если собрать их всех в Новый Петербург, то возродится главное: культурный дух города, питерский менталитет, а он, и только он, есть главное сокровище России, а вовсе не ценности, канувшие в банковских хранилищах и городских музеях.

Главоблстроитель о культуре и духовных ценностях не распинаялся. Он сыпал конкретными цифрами: датами и суммами, миллионами квадратных метров жилья и погонными километрами коммуникаций... Дескать, подведомственные ему строительные компании готовы расстаться и отгрохать за несколько лет Новый Петербург — если, разумеется, федеральный центр не покусится и затею профинансирует. Надо — построим, сурово рубил строитель, а если сами не управимся освоить выделенные средства — привлечем компании из других регионов, но право первой ночи, разумеется, будет у местного, у областного строительного бизнеса. И все необходимые сметы просчитаны, и планы сверстаны и находятся в центре на рассмотрении, так что ждем и не теряем надежду.

Короче говоря, бред трех сивых мерин.

Нет, если найдется идиот и выделит средства, то их освоят и распилят, сомнений нет. Но Нью-Петербург через несколько лет на карте не появится — жилой фонд на несколько миллионов и вся инфраструктура прирастали веками, за несколько лет их не воссоздать, сколько миллиардов ни вложи.

Да и опасно создавать город, где они измыслили, — на периферии старого, на базе городков-спутников, на самом краю Зоны. Ну, как грянет новый Прорыв? Снимаемся срочно с места, строим Нью-Нью-Петербург? Бюджет большой, еще миллиардов подкинет?

А самое главное — Нью-Питер незачем создавать. Для чего возвращать беженцев из городов и весей? Ведь все предприятия, где они работали, все вузы, где они учились, и т. д. и т. п. — все кануло. Чем эта троица планирует занять жителей? Те сами, едва приехав, вновь сбегут из мертворожденного города.

Все эти элементарные соображения троица балаболов игнорировала, увлеченная мечтой о бюджетных миллиардах: не все ж строителям достанется, наверняка что-то и писателю с культурологом перепадет — за посильный вклад в пиар-кампанию.

Заскучав, я собрался вновь выбраться из кресла и переклЮчить канал. Но тут порадовала журналистка-модераторша.

Невинно-невинно так поинтересовалась: а как участники беседы с точки зрения логистики планируют объединить северное полукольцо Сестрорецк — Зеленогорск — Всеволожск с южным полукольцом Петергоф — Пушкин — Колпино? Не планируется ли случайно через Финский залив выстроить каменный пешеходный мост? На котором бы были по обеим сторонам гипермаркеты, и в них продавали бы разные товары, нужные для жителей Нью-Петербурга?

Папа Карло неодобрительно поглядел на меня, залившись счастливым детским смехом. Мы, мол, тут серьезным делом заняты, а Лорд смехуечки строит...

От греха я выключил визор.

3

Все на свете имеет обыкновение заканчиваться. Хорошее раньше, плохое — как повезет.

Закончилась и бесконечная процедура обмена. Папа Карло унес сокровище, сложив в свою тару, тоже не простую. Шмайсер убрал коробку в сейф, зафиксировав там специальным зажимом, выполнил в обратном порядке все запирающие манипуляции и отдал мне сейф-чемодан. Браслет вернулся на мое запястье, однако ноша стала теперь значительно легче, век бы с такой ходил.

Пора было прощаться, и я спросил напоследок, кивнув на дверцу, абсолютно невидимую за шелковой обивкой стены (именно туда Папа Карло унес сокровище):

— Не боишься, что СДУ нагрянет?

Ответил Папа после паузы, словно размышлял — стоит ли нам со Шмайсером это говорить, и решил, что стоит.

— Я не боюсь. Им самим бояться пора... Насчет них очень серьезные люди перетерли. Можешь считать, что их больше нет. Что они кушают землю, а их самих кушают опарыши.

— Нет так нет, — покладисто согласился я.

Поначалу никто не знал, что означают буквы СДУ, иногда изображаемые кровью на стене, иногда украшавшие